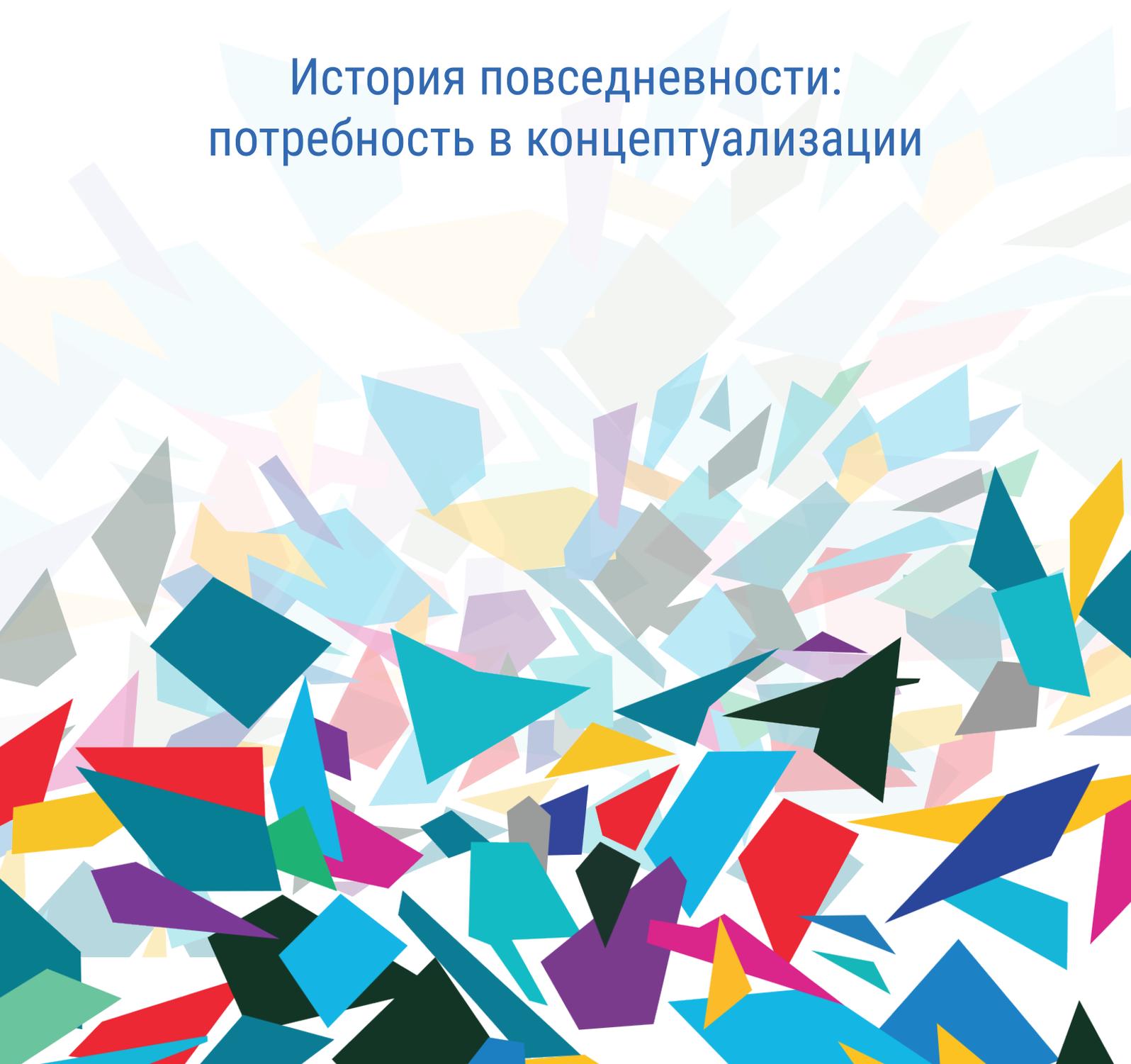

ИСТОРИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

История повседневности:
потребность в концептуализации

Цель: проследить этапы развития истории повседневности в рамках российской историко-антропологической традиции.

Михаил Кром на основе анализа публикаций современных российских ученых-гуманитариев в систематизированном и в обобщенном виде представляет вырисовывающиеся направления историко-антропологических исследований на рубеже XX-XXI веков. В этом разделе речь пойдет об истории повседневности. Позволю себе вам напомнить, что это одно из современных направлений развития исторической науки, сформировавшееся во второй половине XX века в процессе становления так называемой «новой истории».

История повседневности ориентирована на увиденный не извне а, изнутри уникальный специфический опыт и поведение индивидов в повседневной жизни. Это сжатое время конкретных событий, сфера человеческого бытия в разных политико-событийных, историко-культурных, этнических и конфессиональных контекстах.

Индивиды одновременно являются и действующими лицами, и творцами истории, активно изменяющими социально-политические реалии прошлого и настоящего.

В рамках этого направления ведутся исследования условий жизни, труда и отдыха, быта, условий проживания, рациона питания, способов лечения, социальной адаптации, а также факторов, влияющих на формирование сознания и норм поведения, социально-политические предпочтения подавляющего большинства населения, то есть «обычных людей» какой-либо страны в определенный исторический период.

Как уже говорилось в предыдущих лекциях, появление истории повседневности связывают с германской историографией 1980-х годов. Научные «отцы-основатели» истории повседневности (Alltagsges-chichte) - это социологи Норберт Элиас, Герберт Маркузе, Томас Лукман, Питер Бергер; культурологи и антропологи Клиффорд Гирц и Анри Лефевр, английский историк Эдвард Томпсон.

Михаил Кром проанализировал практически все крупные научные работы и публикации и пришел к выводу, что сфера применения антропологического подхода постепенно расширяется. В нее включены история повседневности, частной жизни, семьи и детства. Например, в 2000 году вышла из печати книга Ольги Е. Кошелевой по истории детства в России XVI-XVIII веков. «Эту монографию можно назвать знаковой, так как ровно через 40 лет после издания знаменитого труда Филлипа Арьеса эта важная тема наконец-то стала разрабатываться и у нас» - отмечает М. Кром.

За последние десятилетия история повседневности переживает настоящий бум. Издатели публикуют том за томом множество книг, в качестве примера можно привести выходящую в издательстве «Молодая гвардия» серию «Повседневная жизнь человечества». Наряду с переводными изданиями, такими как «Повседневная жизнь Древнего Рима», «Повседневная жизнь итальянской мафии» и т. д., в данной серии публикуются и книги российских авторов А. И. Бегуновой, Е. В. Романенко и др.

Но, увы, автор нашего учебника констатирует: эти работы описательны, эклектичны и могут быть полезны только в качестве справочников, поскольку не имеют серьезного научного значения.

При этом и вполне академические исследования на подобные темы имеют один общий недостаток - отсутствие концептуальной направленности и четкого обозначения того, что, собственно, называется повседневностью.

По мнению экспертов, в советские годы выходило множество работ, в которых быт приравнивался к материальной стороне жизни. В источниках мы встречаем описания того, что ели и во что одевались жители Древней Руси, либо приводятся статистические данные о заработной плате, питании и жилищных условиях рабочих России на рубеже XIX-XX веков.

В силу социально-исторической ситуации той советской эпохи, такой внешний подход к проблеме повседневности был в свое время необходим. Он информировал историков самыми первичными данными о жизни народных масс в изучаемую эпоху. На текущем этапе такой подход представляется уже не актуальным и пройденным этапом. Современные исследователи признают сложность и многоаспектность тематики, связанной с историей повседневности, подчеркивают ее междисциплинарный характер. Но при этом же осмысление проблемы все еще остается на уровне констатации противоречий и общих заявлений.

М. Кром сетует по поводу того, что нередко исследователи вообще никак не поясняют, что они имеют в виду под повседневностью. И приводит такой пример: в августе 1994 года в Санкт-Петербургском университете экономики и финансов прошла международная конференция, посвященная «русской повседневности 1921-1941 гг.». «Но как ни странно, никто из многочисленных докладчиков не счел нужным очертить рамки или раскрыть содержание понятия, ради обсуждения которого они приехали из

Книга: Историческая антропология

Лекция: История повседневности: потребность в концептуализации

Автор лекции: Алия Масалимова

разных городов и стран. Складывается впечатление, что история повседневности, формально так сказать, приняла эстафету у другого, столь же размытого понятия ментальности, выступая в качестве ни к чему не обязывающей рамки или «шапки» для самых разнообразных сюжетов, интересующих исследователей» - критично высказывается по этому поводу М. Кром.

Этот термин как будто стал трендовым и его как дань моде используют в названиях сборников материалов конференций и на обложках монографий. Тому подтверждение, например, книга В. Б. Безгина о крестьянской повседневности конца XIX - начала XX века. Только из оглавления следует смысл, который вкладывает автор в слова, вынесенные в название его труда. Оказывается, «крестьянская повседневность» в трактовке историка складывается из хозяйственного уклада деревни, крестьянского самоуправления, обычного права, семейных устоев и, наконец, православия, сельских суеверий и обрядов.

Действие книги происходит в некой «средней» деревне, населенной крестьянами, которые также представляют собой собирательный образ. Автору хочется задать только один вопрос: «что повседневность он описывает?» - вопрошает автор нашего учебника М.Кром. И делает такой вывод: «Сам того не замечая, В. Б. Безгин конструирует модель крестьянской жизни на основе представлений, причем нередко идеализированных, которые уже давно сложились в научной и публицистической литературе».

Не лучше обстоит дело и в тех случаях, когда историки пытаются дать «точное» определение повседневности. Например, Л. В. Лебедева дает такую трактовку: повседневность - это «...особая сфера социокультурной реальности, основанная на системной повторяемости смыслов человеческого бытия, имеющая пространственные и временные рамки». В своей книге о повседневной жизни пензенской деревни 1920-х годов под интересующим нас термином она понимает примерно те же сюжеты или рубрик, что и в упомянутой выше книге В. Б. Безгина: быт, труд, отдых, мировоззрение, поведение, обычаи.

По мнению М. Крома, основная проблема заключается в том, что современные исследователи склонны трактовать историю повседневности как особую предметную область, подобно уже вышедшей из моды истории ментальностей.

Соответственно, они объективируют предмет своих занятий, объявляя повседневность некой сферой реальности, а затем тщетно пытаются очертить рамки этой сферы. Между тем в социологии и антропологии уже давно предложены иные трактовки интересующего нас понятия.

«Повседневная жизнь представляет собой реальность, которая интерпретируется людьми и имеет для них субъективную значимость в качестве цельного мира», - говорится в книге П. Бергера и Т. Лукмана «Социальное конструирование реальности» (1966). Там же подчеркивается, что члены общества в своем поведении «считают мир повседневной жизни само собой разумеющейся реальностью».

Как видим, в феноменологической традиции повседневность представляется не объективной, а субъективной реальностью, которая для самих людей кажется чем-то само собой разумеющимся и образует целостный жизненный мир.

Эту же особенность восприятия людьми обыденной жизни отмечал и Ю. М. Лотман, причем его трактовка бытового поведения строится на контрасте «обычного» и «необычного».

«В каждом коллективе с относительно развитой культурой поведение людей организуется основным противопоставлением: обычное, каждодневное, бытовое, которое самими членами коллектива воспринимается как «естественное», единственно возможное, нормальное; все виды торжественного, ритуального, внепрактического поведения: государственного, культового, обрядового, воспринимаемого самими носителями данной культуры как имеющее самостоятельное значение». Эти строки были впервые опубликованы Юрием Лотманом в 1977 году, за год до появления статьи известного социолога Норберта Элиаса «О понятии повседневности». Тем интереснее точки соприкосновения, которые обнаруживаются между работами этих выдающихся исследователей.

Ключевая мысль статьи Элиаса состоит в том, что «...структура повседневности не обладает характером более или менее автономной особой структуры, но является составной частью структуры данного социального слоя и, - поскольку его нельзя рассматривать изолированно, - частью властных структур всего общества». Многочисленные современные определения понятия «повседневность», полагает немецкий социолог, имплицитно подразумевают противоположное понятие («не-повседневность», Nicht-Alltag) которое, однако, обычно остается в тени.

Элиас считает необходимым обозначить эти сферы, обычно противопоставляемые повседневной жизни, для того чтобы уточнить, какие именно аспекты повседневности имеются в виду в том или ином случае. Далее он перечисляет восемь пар понятий, определяя повседневность через ее противоположности: повседневность как противоположность празднику, повседневность как рутина, в отличие от чего-то

чрезвычайного, и т. д.

Бернхард Вальденфельс, немецкий философ феноменологического направления, с одобрением отнесся к основным положениям статьи Элиаса и, развивая их, пришел к еще более радикальным выводам:

«1. Обыденная жизнь не существует сама по себе, возникает в результате процессов «оповседневнивания» (Veralltaglichung), которым противостоят процессы «преодоления повседневности» (Entalltaglichung)

2. Повседневность - это дифференцирующее понятие, которое отделяет одно явление от другого. Границы и значения выделенных сфер изменяются в зависимости от места, времени, среды и культуры.

3. Речь о повседневности не совпадает с самой повседневной жизнью и с речью в повседневной жизни. Кто и откуда говорит об обыденной жизни? О какой повседневности он говорит, о своей собственной или о повседневности кого-то другого?»

Цитируется по работе Б. Вальденфельса «Повседневность как плавильный тигль рациональности».

Комментируя эти три важных методических принципа, Михаил Кром пишет: «Эти наблюдения социологов, культурологов, философов имеют важное значение для историков повседневности. Поскольку обыденная жизнь не существует как некий природный объект, то ее изучение или написание ее истории едва ли может быть самостоятельной научной задачей, если не считать таковой простое описание бытовых подробностей что в наши дни может иметь только справочное значение».

История повседневности приобретает смысл только тогда, когда, как писал Н. Элиас, обнаруживается «противник», в сторону которого мы и направляем «острие понятия повседневности». Иными словами, если мы хотим пересмотреть ту или иную историческую концепцию или даже реформировать целое направление исторических исследований, будь то военную, политическую, экономическую историю и т. п., мы можем по выражению Вальденфельса прибегнуть к ее «оповседневниванию».

Именно этим и занимаются, по сути, сторонники немецкой истории повседневности. Главный теоретик этого направления, Альф Людтке, признает, что сам термин «история повседневности» далек от идеала и принят «за неимением лучшего»; тем не менее, по его словам, это название «оправдывает себя как самая краткая и содержательная формулировка, полемически заостренная против той историографической традиции, которая исключала повседневность из своего видения».

Еще одно следствие из предложенной выше «конструктивистской» концепции понятия «повседневность» заключается в следующем: реконструируя обыденную жизнь прошлых эпох, которая никогда не бывает абсолютно полной и целостной, историку просто необходимо как бы взгляд «изнутри», то, что Кеннет Ли. Пайк назвал эмическим подходом (Эмический - это взгляд изнутри, глазами инсайдера. Эмический подход свойствен личности, интегрированной в данный культурно-исторический контекст)

И, конечно, вполне закономерно считают эксперты, что эффект повседневности наиболее убедительно достигается в тех исследованиях, в которых последовательно применяется именно этот подход, т.е. в микроисторических работах. Так, «Монтайю» Э. Ле Руа Ладюри или «Ткачество и выживание в Лайхингене» Х. Медика, являясь выдающимися образцами микроистории, в то же время они могут считаться яркими образцами истории повседневности.

На основе обзора работ современных авторов, М. Кром отмечает, что на российском материале успешное сочетание микроанализа и истории повседневности продемонстрировали Сергей В. Журавлев и Ольга Е. Кошелева в проанализированных выше книгах.

В том же ряду можно назвать микроисследование Натальи Б. Лебиной. Она занималась изучением процесса смены жильцов в трех петроградских домах в 20-е годы прошлого века. Что интересно, по обнаруженным ею документам выясняется, что в быту советская номенклатура очень рано отказалась от революционного аскетизма, хотя продолжала пропагандировать его на словах.

Действительно, мы должны признать то, что этнологи и социологи накопили большой опыт изучения повседневных практик, которым они могут поделиться с историками. Например, в «Очерках коммунального быта» И. В. Утехина на основе семиотического анализа пространства квартиры, находящихся в ней предметов и мебели, предлагается оригинальная реконструкция мировосприятия обитателей коммуналок конца советской эпохи. А на основе бесед с ее жильцами формулируются их понятия о социальной справедливости, стратегии поведения и т. д.

Социолог С. А. Чуйкина анализирует стратегии выживания дворян в довоенном Ленинграде в терминах социологии П. Бурдьё. Эту стратегию выживания он интерпретирует как «конвертацию ресурсов»: те навыки, которыми обладали дворяне - знание иностранных языков, музыкальное образование и т. д. - и которые до революции часто использовались ими только в приватной сфере, или как хобби и т. п., стали

востребованы в советскую эпоху и помогали им устраиваться в новой жизни, становясь их профессией.

Еще одним наглядным примером применения социологического подхода к истории повседневности является монография Н. Б. Лебиной о советском городе 20-30-х годов. Концептуальной базой для анализа различных форм повседневной жизни послужила дихотомия «норм и отклонений».

Исследовательницей в книге изучаются как традиционные «девиации» - пьянство, преступность, проституция, самоубийства, так и аномалии, ставшие нормой при новой власти - коммунальный быт, коммунистическая «религия». Особое внимание уделено таким вопросам как нормирование жилой площади, одежды, досуга, частной жизни.

Данный подход, примененный в монографии Н. Б. Лебиной, вызвал критические замечания со стороны А. С. Сенявского, который счел некорректной попытку «свести все многообразие городской жизни к социально ущербным, маргинальным или патологическим проявлениям».

На взгляд М. Крома, содержание книги отнюдь не сводится к выявлению разнообразных аномалий в жизни Ленинграда 1920-1930-х годов. Действительно, М. Кром согласен с тем, что избранная автором концептуальная схема довольно жесткая и не все описанные в книге явления в нее естественным образом помещаются. Например, пропаганда атеистического быта и новой коммунистической «религии» едва ли подходит под категорию аномалии или патологии.

Но важно другое: Наталье Б. Лебиной удалось показать процесс смены обыденных стереотипов и норм поведения и обрисовать пусть не все, но многие, типичные структуры советской повседневности 20-30-х годов. Подобное структурирование, или концептуализация, повседневности совершенно необходимо, подчеркивает М. Кром. Иначе история быта опять сведется к описательности, к импрессионистическим картинкам или к механической сумме отдельных явлений той или иной эпохи.

В заключение этой темы, автор учебника, российский историк М. Кром резюмирует: «Как показывает проведенный выше обзор современных публикаций, процесс антропологизации истории России идет полным ходом. Одни исследователи участвуют в этом процессе вполне сознательно, активно экспериментируя с новыми подходами и концепциями, другие скорее склонны плыть по течению, повинувшись капризам научной моды. Наконец, третьи избегают модных словечек и подходят к осознанию необходимости новых подходов в силу логики развития той предметной области, в которой находятся их научные интересы».

Из всех антропологических теорий по количеству научной продукции на российском научном поле лидирует самая старая и самая спорная форма антропологической истории - история менталитета. Наряду с ней набирают обороты и силу более молодые и лучше проработанные в методологическом отношении вариации того же направления - микроистория и история повседневности.

По глубокому убеждению автора нашего курса, изучение истории России в антропологической перспективе уже приносит и, безусловно, еще принесет в будущем заметные научные результаты. Вместе с тем своего рода «мода» на историческую антропологию грозит опасностью искажения самого этого понятия и в результате может привести к дискредитации всего научного направления в целом.

Дабы избежать такой печальной участи, необходимо трезво и критически оценивать все, что печатается сейчас в России под «знаменем» исторической антропологии, истории ментальностей, микроистории и т. д.

Следует внимательно анализировать опыт зарубежной историографии, а это подразумевает перевод и публикации самых лучших, признанных и авторитетных работ в русском переводе, печатать рефераты, обзоры, рецензии в рамках научных дискуссий и материалов конференций

Самое главное, осознать и принять междисциплинарный статус современных историко-антропологических исследований.

И на сегодняшний день нельзя вести серьезный разговор об исторической антропологии без ознакомления с концептуальными трудами социологов и антропологов - Пьера Бурдьё, Клиффорда Гирца, Виктора Тернера, Ирвинга Гофмана и др.

Невозможно оперировать терминами без овладения созданным ими понятийным аппаратом. Знать, что такое «хабитус, насыщенное описание, стратегии, социальная драма» и т. п.

И, наконец, иметь всегда в виду, что антропологический подход - лишь один из многих в «арсенале» современного историка и возможности его применения отнюдь не безграничны А, значит, существует потребность в серьезном обсуждении границ данного подхода, его недостатков и возможности сочетания с другими существующими методологическими подходами и направлениями исторической науки.

Книга: Историческая антропология
Лекция: История повседневности: потребность в концептуализации
Автор лекции: Алия Масалимова

Основные термины

История повседневности, эмический и этический подход, повседневная жизнь, «обычное и «необычное».

Дополнительные ресурсы по теме лекции

1. Богданов К.А. Повседневность и мифология: Исследования по семиотике фольклорной действительности. СПб.: «Искусство — СПб», 2001. - 438 с.
2. История повседневности. Сб. науч. работ / Под ред. Б.И. Колоницкого. СПб.: Изд-во Европейского ун-та: Алетейя, 2003. - 207 с.
3. Мифология и повседневность. Гендерный подход в антропологических дисциплинах. СПб.: Алетейя, 2001. - 400 с.
4. Pike K.L. Etic and Emic Standpoints for the Description of Behavior // Communication and Culture: Readings in the Codes of Human Interaction. New York, 1966. P. 152-163.
5. Семья, дом и узы родства в истории /Под общ. ред. Т. Зоколлы, О. Кошелевой, Ю. Шлюмбама. СПб.: ЕУСПб; Алетейя, 2004. 285 с.